

Владимир Круглов: Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов

Vladimir Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Social stratification of the Soviet: in the labyrinth of phenomena, interpretations, terms

DOI: 10.31857/S086956870013454-0

Коллективные труды нередко служат своеобразными вехами, подводящими промежуточные итоги, обобщающими накопленные знания и таким образом фиксирующими состояние историографии по той или иной проблематике на определённый момент времени. Как правило, их отличает единая концепция, это плод творчества коллектива исследователей, связанных общими взглядами и идеями, которые представляют на суд общественности результаты разработки ими той или иной научной темы. Реже коллективные труды выполняют роль дискуссионных площадок, в рамках которых одновременно фиксируются достижения в изучении выбранной проблематики и выдвигаются новые, ещё не вполне «обкатанные» идеи, концепции, понятия. Рассматриваемая коллективная монография относится, скорее, ко второму виду, что само по себе заставляет отнестись к ней с должным вниманием. Которое усиливается тем, что в поле зрения — социальная история: пожалуй, ведущее ныне направление исследований в исторической науке. Авторы сосредоточили внимание на проблеме социальной стратификации России XVII—XX вв., причём останавливается исследование не на 1917 г., как можно было бы ожидать, а на 1980-х гг., охватывая таким образом и советский период, «перекидывая мостик» между двумя очень разными, во многом противоположными эпохами, пытаясь «вписать» советский социум в общий поток отечественной истории, определить черты сходства и найти точки соприкосновения.

Авторы неоднократно подчёркивают, что не претендуют на полноту описания и анализа, сосредотачивая внимание лишь на отдельных сюжетах. Эти оговорки и справедливы, и необходимы — ведь дисбаланс бросается в глаза даже при изучении оглавления. Охвачен широкий круг тем царского/имперского периода (здесь и законодательство, и взгляды представителей элиты, и самый широкий круг сословий — от привилегированных до маргинальных, и даже анализ материалов прессы по проблематике повседневности). Советский период (на освещении которого я сосредоточусь в данном отклике) представлен, напротив, весьма скупо — как тематически, так и хронологически. Объектами внимания стали эволюция представлений об обществе в работах коммунистических идеологов, региональная партийная номенклатура и «атомная» общность (жители «закрытых городов» и работники ядерно-оружейного комплекса).

Однако это ни в коем случае не вина или оплошность авторов. Случившийся в 1917 г. разрыв оказался столь масштабным и качественным, общество изменилось столь сильно, что порой найти преемственность, понять, где историческая традиция не прервалась, а хоть как-то продолжилась, не под силу и выдающимся умам даже спустя многие десятилетия. Кроме того, нужно учитывать, что таково объективное состояние историографии. Несмотря на неослабевающий интерес к советскому прошлому, объектом первоочередной разработки стали лишь отдельные сюжеты (политическая история, экономика, репрессии), в то время как к изучению социальной структуры общества историки приступили относительно недавно. Можно сказать, что уже заложен

фундамент, но строительство здания находится в начальной стадии. Надеюсь, что данная работа внесёт свой вклад в этот длительный, но увлекательный и плодотворный процесс.

В связи с этим хочу особо отметить главу 4 раздела II (с. 265—316), в которой проведён глубокий анализ формирования воззрений верхушки компартии на социальную структуру нового общества. С опорой на ключевые тексты эпохи прослежена эволюция идеологических трактовок и связанные с ними проблемы. Правда, внимание сконцентрировано не на всём периоде советской истории, а в основном на 1920—1930-х гг. Впрочем, это оправданно — именно тогда и были сформулированы те установки, которые лишь с небольшими изменениями просуществовали до начала 1990-х гг., а для некоторых авторов не теряют актуальности и по сей день. Прочтение текста показывает, что даже в начале 1920-х гг. у ответственных за идеологию лиц имелись лишь самые общие представления на эту тему, и в последующие годы шёл трудный, противоречивый процесс выработки подходящих идей и формул. Метания 1930-х гг. производят особенно сильное впечатление, кажется, что важнейшие идеологические постулаты разрабатывались в спешке, чуть ли не «на коленке», без серьёзной подготовки. В результате оказалась нарисована некая идеальная модель, мало соотносившаяся с реальным состоянием общества, во многом даже отрицавшая его. Это практически сразу создало многочисленные проблемы и противоречия, которые идеология и «общественные науки» унаследовали и пронесли сквозь десятилетия. Как бы то ни было, анализ процесса формирования идеологических постулатов по тем или иным вопросам, борьбы за победу той или иной трактовки или формулировки — важная часть исследования советского общества, и в этом направлении исследователям предстоит сделать ещё немало.

Пристальный интерес у читателей, без сомнения, вызовет глава 7 раздела III, посвящённая региональной партийной номенклатуре. История власти никогда не утратит актуальности, особенно для нашей страны с присущей ей исключительной ролью государства во всех сферах жизни. Однако традиционно внимание исследователей концентрировалось на действиях центра. В последние десятилетия, однако, особенно после широкомасштабного открытия для научной работы архивных фондов, растёт интерес к сюжетам, связанным с функционированием органов власти и управления на местах. Причём, что отраднo, лидируют в этой работе не московские историки, а представители регионов. Их внимание в значительной степени привлекает именно советский период: формирование управленческих структур (прежде всего партийных) на местах, принципы их работы и взаимодействия с центром. С исключительным интересом, даже захватывающе, читаются части 1—3 этой главы (с. 464—563), посвящённые сталинскому периоду. Рассмотрены такие важные сюжеты, как функционирование культов региональных партийных лидеров, формирование вокруг них кланов с присущими им патрон-клиентскими отношениями, состав таких кланов, а также попытки центра бороться с этими явлениями путём репрессий и регулярных кадровых перетрясок. Текст демонстрирует блестящее владение материалом и глубокое знание местных архивных фондов, внимание к деталям. Видны результаты многолетней умелой и плодотворной работы с документами, благодаря которой ничем, казалось бы, не примечательный мир периферийного партначальства начинает играть яркими красками, выявляя доселе скрытые «скандалы, интриги, расследования», порой драматичные, порой трагикомичные, но неизменно интересные. Этот интерес усиливается тем, что

описываются события 1930—1940-х гг., вокруг которых в общественном сознании до сих пор не рассеялся миф пресловутого «сталинского порядка». Неподготовленного читателя, попадись ему в руки эта книга, многое из описанного может шокировать.

Особняком стоит часть 4 (с. 564—604), посвящённая партийной номенклатуре брежневского периода. Она представляет собой скорее анализ базы данных по определённым набору параметров, написана более сухо и фактографично. В результате создаётся контраст с ярко написанными предшествующими частями. Если 1930—1950-е гг. описаны на материалах Уральской, а затем Свердловской и Челябинской областей, то далее фокус внимания концентрируется исключительно на последней, отчего вывод («Челябинская область является классическим образцом реализации брежневской кадровой политики на практике» (с. 587)) может показаться не вполне обоснованным в отсутствие объектов сравнения. Тем не менее дотошность изучения вопроса заслуживает похвалы.

К сожалению, содержательная составляющая данной главы удалась значительно лучше концептуальной. Особенно это относится к частям 1—3. Фактически всё осмысление проблемы чисток и репрессий против партноменклатуры свелось к дихотомии «хороший вождь — коррумпированные регионалы». Но ведь представления о своеволии и особой роли местных кадров уже давно и неоднократно опровергнуты исследователями политической системы сталинизма (в том числе О.В. Хлевнюком, на работы которого авторы главы неоднократно ссылаются). Культы местных партлидеров, их клиентелистские замашки, сибаритство, коррумпированность вовсе не являлись их собственной инициативой — они лишь копировали нравы центра. В этой связи удивляет, что повествование начинается с середины 1930-х гг. и сразу с культа уральского «вождя» Кабакова, в то время как о культе собственно Сталина, сложившемся уже к концу 1920-х гг. и ставшем моделью для всех региональных явлений такого рода, не сказано практически ничего.

Озадачивает авторская разноголосица. Сначала утверждается, что «к началу 1940-х гг. И.В. Сталину в целом удалось... разрушить порочные патрон-клиентские связи» (с. 524). Но спустя полтора десятка страниц начинается рассказ о... патрон-клиентских связях, коррупции, вождизме, авторитарном стиле управления (с. 540, 544 и далее). Причём устраивали всё это те замечательные, образованные и компетентные руководители, которые пришли на смену прежним, негодным и непослушным («Важнейшим итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня региональной партийно-государственной номенклатуры» (с. 524)). И вновь по кругу: «В конце 1940-х — начале 1950-х гг. по стране прокатилась волна кадровых перестановок на региональном уровне... что как минимум позволило разорвать сложившийся порочный круг патрон-клиентских отношений... поддерживать необходимый уровень партийно-государственной дисциплины» (с. 562, 563). Спустя несколько десятков страниц вновь читаем о корпоративности и патрон-клиентских отношениях (с. 603). Остаётся лишь развести руками — ведь выясняется, что явление, с которым столь отчаянно боролись, спокойно пережило все репрессии, ротации и перестановки, всякий раз возрождаясь и становясь всё крепче, явившись в конце концов «одним из факторов, приведших к гибели Советского Союза» (с. 563).

То же можно сказать и о подробно описываемом нововведении февральско-мартовского пленума 1937 г. — тайном голосовании при выборах партий-

ного руководства. Сначала авторы утверждают: «С внедрением этой системы стало невозможным гарантировать сохранение номенклатурных постов за нужными людьми. А в ходе кадровых перестановок теперь необходимо было учитывать мнение рядовых членов парторганизации» (с. 490). Но буквально следом читаем: «Демократизация внутрипартийной деятельности если и изменила процедуру выборов “рядового” состава комитетов партии, то менее всего затронула порядок утверждения руководителей наиболее важных партийных комитетов — крупных горкомов, обкомов и крайкомов, ЦК компартий союзных республик, так как Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) не отказались от своего права назначать данных руководителей и не передали эти полномочия на места. ЦК партии продолжал направлять на ключевые посты в регионах... работников, совершенно незнакомых местным парторганизациям, вынужденным “избирать” их своими руководителями» (с. 491—492). Далее описывается, как во избежание неожиданностей при голосовании по кандидатурам руководителей региональных структур Москва ещё и направляла на места членов Политбюро и секретарей ЦК (с. 492, 516, 519).

Столь «спрессованные» противоречия встречаются не раз. Например, на с. 521 читаем дифирамбы очередному главе Свердловского обкома В.М. Андрианову, который «стал последовательно проводить в кадровой политике принципы подбора и назначения кадров, на которых настаивал И.В. Сталин», а на с. 522 — что он «порой отклонялся от сталинской кадровой политики, решая участь подчинённого, исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств». Утверждается, что в период правления Л.И. Брежнева сложилось зрелое индустриальное общество, один из признаков которого — социальная мобильность (с. 567). А затем на многих страницах описывается процесс стремительного замедления мобильности в органах власти...

Конечно, каждый автор имеет право на собственную трактовку тех или иных исторических событий, явлений. От обобщающей работы ожидаешь, тем не менее, большей определённости, чёткости. С другой стороны, нельзя не признать, что исследуемый период, несмотря на прошедшие с его формального завершения три десятка лет, во многом до сих пор ещё с нами. Это не далёкое прошлое, а буквально вчера, регулярно переливающаяся в сегодня. И похоже, что подобная неоднозначность, расплывчатость лишь отражают состояние и историографии, и общественной дискуссии на тему «советского».

Рассмотрение советского периода завершает глава, посвящённая «атомной» общности — жителям «закрытых городов», участвовавшим в разработке атомного и ядерного оружия. Её наличие хотя и может показаться несколько неожиданным, тем не менее вполне объяснимо — уральские историки издавна уделяют много внимания данной проблематике (достаточно вспомнить работы Е.Т. Артёмова). И в свете этого неудивительно, что исследование получилось хотя и компактным (с. 605—652), но информативным. Оно написано с применением инструментария всё ещё достаточно новых для отечественной исторической науки направлений, таких, например, как устная история, история идентичности и т.д. Рассмотрены причины и механизмы формирования названной общности, условия работы и жизни её представителей, их мироощущение, восприятие себя и окружающего мира.

По прочтении главы можно сделать вывод, что именно в «закрытых городах» удалось создать максимально приближённый к идеалу мир советского инженерно-технического работника — того самого нового слоя передовых рабочих, который, как считалось, порождён процессом индустриализации

(и становлению которого в идеологической терминологии посвящены части 4 и 5 главы 4 раздела II данной работы (с. 298—316)). Это мир, с одной стороны, порядка и дисциплины, достойных жилищных условий и бесперебойного снабжения, живущий по особым законам и в особом режиме, а с другой — отличающийся известной свободой в действиях и суждениях, где строгие, но справедливые и мудрые начальники, досконально знающие производственный процесс, не самодурствуют, а уважают подчинённых, допускают их самостоятельность и поощряют за достижения, идеология же, пронизывавшая все сферы жизни «остальной страны», почти незаметна, учёные имеют право на фронт и даже дерзость, зная, что работа защищает их от репрессий, и ради результата «идеологические церберы» готовы терпеть некоторое непослушание.

Возможно, эти «тепличные» условия и окрашивают воспоминания старожил, обильно использованные при написании главы. Возможно также, что средний представитель «атомной» общности представлял собой определённый психологический тип, готовый мириться с ограничением собственной свободы передвижения (и многих других свобод и прав) «ради дела», а также не слишком склонный к действительной оппозиционности, противостоянию власти (видимо, этим объясняется негативная оценка общественно-политической деятельности А.Д. Сахарова, его противопоставление руководителям институтов и лабораторий — опытным навигаторам в море бюрократических правил и личных взаимоотношений, но в первую очередь подчёркнуто лояльным режиму). Абсолютно точно можно утверждать, что созданная в «закрытых городах» система изначально не была рассчитана на распространение на сколько-нибудь широкие территории, фактически представляя собой «штучный продукт». Порождённую ею общность можно рассматривать как особое, специфическое «сословие» (с. 645) в рамках всего слоя советской научно-технической интеллигенции.

И здесь стоит отметить смелую и весьма перспективную позицию авторского коллектива, заключающуюся в том, что при исследовании советского общества вполне можно использовать терминологию, на первый взгляд, намертво привязанную к периоду Российской империи. Прежде всего речь идёт, конечно, о термине «сословие». Казалось бы, сословия отменены более века назад. Однако можно упразднить определение, но упразднить обозначаемое им явление значительно тяжелее (если вообще возможно). И похоже, что советскому режиму, несмотря на все усилия по уничтожению старого общества, так и не удалось сломать те основы, на которых оно строилось. В том или ином виде «сословия» возродились в самые короткие сроки и в самых неблагоприятных обстоятельствах. А нередко их (видимо, неосознанно и уж точно вопреки собственным эгалитаристским декларациям) возрождала и сама власть (с. 675). Такая живучесть этого явления наводит на мысль, что именно сословность и является естественной формой социальной стратификации для России.

Говоря о понятийном аппарате, позволю себе выразить сомнение в правомерности использования применительно к советскому времени термина «элита» (с. 487, 524, 529, 562 и далее). В своё время он оказался удивительно легко подхвачен сначала политическими комментаторами, а затем и научным сообществом, и ныне употребляется как универсальное обозначение правящей группы вне зависимости от исторического периода. Однако при этом стирается специфика, для советского режима имевшая принципиальный характер, а именно его декларируемые «народничество», эгалитаризм, отрицание значения

природных различий между людьми. Это краеугольный камень коммунистической идеологии, который никак не вяжется с понятием «элита», имеющим происхождение прямо противоположное — аристократическое, предполагающим своего рода избранность, особую талантливость, превосходство над массой населения, а также статусность и обособленность, имеющую в том числе и наследственный характер. Последние черты, конечно, наблюдались и в советском обществе, но всегда подвергались резкой критике (пусть не особенно влиявшей на положение дел, но важной с политической точки зрения). Регулярные чистки, репрессии, ротации и прочие «прополки», нередко в одночасье низвергавшие с вершин власти многолетних их обитателей, «вождистский» и строго иерархический принцип функционирования властной системы, многие другие особенности (проблема собственности, статуса и др.) вполне наглядно, как кажется, демонстрируют, что никаких «элит» в СССР быть просто не могло. В связи с этим соглашусь с Т.Ю. Красовицкой: «Разве не точнее советская власть (и авторы) их называла пусть и руководящими, но всего лишь кадрами?»⁴⁰. Убеждён, что терминологический аппарат исследований по социальной истории, до сих пор почти целиком (и, как правило, некритично) заимствуемый из зарубежных публикаций, нуждается во вдумчивом анализе и уточнении с учётом реалий отечественной истории.

Данное исследование демонстрирует интересный, смелый и дискуссионный взгляд на проблему общественного устройства и структурирования нашей страны, совмещает широкий хронологический охват с оригинальными исследовательскими подходами и неожиданными концептуальными суждениями. Оно даёт богатый материал для размышлений, порой заставляет взглянуть на, казалось бы, привычные сюжеты по-новому. А именно это и есть признак качественной и заслуживающей внимания работы.

*Элис Кимерлинг Виртшафтер: Новая социальная история России*⁴¹

Elise Kimerling Wirschafter (California State Polytechnic University in Pomona, USA): Russia's New Social History

DOI: 10.31857/S086956870013455-1

С появлением в середине XX в. «новой социальной истории» учёные устремились к поиску инновационных проблематик, методологий и источников. Историческое исследование, обогащённое социологическими теориями, антропологической практикой и доступом к обширным архивохранилищам, становится всё более динамичным и многозначным. В результате сформировалась расширенная база знаний, а историописание было признано принципиально перспективным. С позитивистской точки зрения, фрагментация может показаться сомнительной тенденцией. Тем не менее историки неизменно сходятся в том, что любая историческая ситуация включает в себе множество элементов и опытов, каждый из которых должен учитываться и документироваться. Прошли времена большого нарратива, позволявшего победителям доминировать в написании истории и её увековечивании в общественной памяти. Конечно, победители по-прежнему пишут свою историю, но со временем

⁴⁰ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 — 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007. С. 18.

⁴¹ Перевод с англ. О.К. Ермаковой.